

ИСТОРИЯ ПЕРЕДНИХ ОГУБЛЕННЫХ МОНОФТОНГОВ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ И СРЕДНЕАНГЛИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

А. СТЕПОНАВИЧЮС

Проблематичность становления данной подсистемы

Наличие фонем /ü () ö (:)/ и их трактовка как передних огубленных монофтонгов в языке древних письменных памятников сомнений не вызывает. В древнеанглийских памятниках, как известно, фонема /ü ()/ обычно пишется через *u*, фонема /ö (:)/ — через *oe*. В древнейших текстах в редких случаях /ü ()/ пишется через *u*, как, например, в формах *Coꝛpus* глоссария *hurnitu* (= *hurnetu*) „шершень“ 603, *scultheta* (= *scylðhæta*) „бейлиф“ 799, *ontudri* (= *ontýdre*) „бесплодный“ 723. В древнейших текстах, особенно нортумбрийских, довольно-таки часто попадают случаи обозначения /ü ()/ через *ui*, *uy*, *wi*, *wy* и т. п.; ср. имя собственное *thruiddred* (*þrūþ-* „сила“) в Истории Беды (Мурская рукопись), *gruiit* „еды“ 1619, *buiris* „доло“ 11 в *Coꝛpus* глоссарии, *druige* „сухой“, *fuilgendo* „следующий“, *geduild* „терпение“, *suindrig* „отдельный“ в Линдисфарском евангелии (Кампбелл 1962, § 199). В древнейших текстах, особенно в нортумбрийских рукописях Истории Беды, /ö (:)/ часто пишется через *oi*. Например, в Ленинградской рукописи имеются *coinedred* (*cōēn* — „смелый“), *oiddi* (*ōēþel* „родина“), *oisc*, *coifi*, *boisil* (Андерсон 1941, 82), в Мурской — *coinedred* (2x), *coinedredum* (2x), *coinaltch* (3x), *oidiuald* (7x), *oiduald*, *boisil*, *coifi* (Стрём 1939, 97); ср. также *woidiberge* „чемерица“ 1017 в *Coꝛpus* глоссарии. В Веспасианском псалтыре и гимнах изредка попадают случаи обозначения /ö:/ через *o*; ср. *domed* „судит“ 95, 10; *gedrofdes* „тревожил“ 59, 4; *gemotes* „находишь“ 36, 10.

Что касается становления подсистемы передних огубленных, то его сейчас следует считать одним из наиболее сложных вопросов английской диалектной фонологии. Это связано с проблематичностью трактовки пранглийской системы гласных в период непосредственно перед *i*-умлаутом:

i(:)	u(:)	io(:)
e(:)	o(:)	eo(:)
æ(:)	a(:)	ea(:)

Все зависит от интерпретации непосредственных результатов *i*-умлаута. Если считать, что передние огубленные монофтонги возникли непосредственно в процессе *i*-умлаута, то оппозиции /u () o ()/ — /i (:) e ()/ в пранглийском (равным образом как и в праскандинавском и празападногерманских языках вообще) следует рассматривать как противопоставления огубленных гласных неогубленным: возникновение фонем такого типа предполагает наличие передних и задних аллофонов у старых фонем /u () o ()/.

а это, в свою очередь, предполагает инвариантность, т.е. дистинктивность лишь признака огубленности для этих фонем (см. Туодделл 1957а; он же, 1957б; Стеблин-Каменский 1966, 42; Крупаткин 1962, 55). В. Я. Плоткин (1967, 28 и сл.) предложил другое объяснение *i*-умлауту. Корреляцию /u () о (:) а (:)/ – /i () е (:) æ ()/ в праанглийском он рассматривает как корреляцию по нерасчлененным тембровым признакам ряда и лабиализации, а результаты *i*-умлаута – как задне-передние дифтонги („дифтонгоиды“). Какие аргументы приводятся и какие можно было бы еще привести за и против одной и другой гипотезы? В теории В. Я. Плоткина прежде всего импонирует симметричность реконструируемой системы, в которой передне-задним дифтонгоидам /iu eo æ a/ четко противопоставлены гипотетические задне-передние дифтонгоиды /ui oe / (Плоткин 1967, 36):

i	ui	iu	u
e	oe	eo	o
æ	–	æ e	a

На подобные реконструкции не следует смотреть как на чисто умозрительные построения: они, без сомнения, основаны на логичном допущении, что структурные перестройки любого языкового уровня и подсистемы обусловлены в первую очередь структурными и функциональными особенностями того же уровня и той же подсистемы. Во-вторых, насколько удастся проследить, в индоевропейской и в более ранних прагерманских вокалических системах обнаруживаются корреляции ряда, а не огубленности. Из самого факта слияния индоевропейских /a(:)/ и /o()/ в германском можно заключить, что и.е. /a / и /a:/, по крайней мере в германском ареале индоевропейских языков, реализовались как велярные гласные (Бур 1928, 41). Таким образом, индоевропейскую схему можно строить, помещая /a ()/ в ряд задних и оставляя пустую клетку в ряду передних:

u	u:
o	o:
a	e:

Велярную реализацию /a (:)/ можно считать фонетической предпосылкой слияния. Фонологической предпосылкой слияния должно было быть противопоставление /i (:) е (:)/ – /u (:) о (:)/ по признакам ряда: будучи фонологически задними гласными, /o (:)/ могли легче слиться с фонетически задними гласными /a ()/, чем если бы они были фонологически огубленными гласными. Результат слияния индоевропейских /a(:)/ и /o(:)/ в прагерманском также должен определяться как фонологически задний гласный, хотя он и мог обладать некоторой фонетической огубленностью (вследствие чего его можно обозначать символом \hat{a}):

u
\hat{a}

Таким образом, в прагерманском, как и в индоевропейском, в системе гласных, вероятнее всего, существовала корреляция по признакам ряда, а не огубленности. Следовательно, предполагая наличие корреляции огуб-

ленности в праанглийском непосредственно перед *i*-умлаутом, мы должны одновременно предполагать и смену корреляций (ср. Крупаткин 1962, 56). Можно считать, что данный факт тоже говорит в пользу гипотезы В. Я. Плоткина (возникновение задне-передних дифтонгоидов можно предполагать как при корреляции нерасчлененного тембрового признака, так и при корреляции ряда). Далее, дистрибуция /æ()/ — /a(:)/ (/a()/ — в велярных положениях тоже указывает на оппозицию по признакам ряда между этими фонемами. И, наконец, когда результатами *i*-умлаута доказывается, что в праанглийском в тот период существовала корреляция огубленности, то в должной мере не учитывается разница между результатами *i*-умлаута от /u(:) o()/, с одной стороны, и /a()/ — с другой. Если считать, что непосредственным результатом *i*-умлаута от /a(:)/ было /æ(:)/, то данное изменение в прауэссекском предстает как синтагматическая смена фонем /a()/ в позициях перед /i j/ у же имеющихся фонемами /æ(:)/. То же самое означает *i*-умлаут от /a/ в кентском и англских диалектах (такой результат *i*-умлаута от /a:/ в связи с исчезновением фонемы /æ₁:/ здесь означает возникновение новой фонемы /æ₂:/). Какие же выводы можно сделать относительно фонологической характеристики /a()/, если исходить из таких результатов *i*-умлаута? Если под палатальным влиянием /i j/ происходила нейтрализация фонологической оппозиции /æ()/ — /a()/, т. е. /a(:)/ сменялось /æ(:), эта оппозиция должна была основываться на признаках палатальности-велярности, или ряда. Логично предполагать, что гласные меньших ступеней открытости противопоставлялись по тем же признакам ряда. И все-таки по целому ряду соображений мы отдаем предпочтение гипотезе У. Туодделла и М. И. Стеблин-Каменского. Традиционная гипотеза сильнее тем, что она исходит из исторически засвидетельствованных форм, а не из чистых реконструкций. Наличие задне-передних глайдов нельзя подтвердить ни данными графики, ни другими фактами истории языка. Даже обозначение /ÿ()/ руной *ÿr*, которая рассматривается как лигатура из рун *ÿr* и *is*, отнюдь не доказывает дифтонгичности этой фонемы: нельзя отказывать создателям древнего письма в простейшей способности обнаруживать сходные признаки монофтонгов (в данном случае огубленность /ÿ(:)/, сходную с огубленностью /u(), и его палатальность, сходную с палатальностью /i())/ и выражать это сходство сходством графических символов (руна *ÿr* как сочетание рун *ÿr* и *is*). Тем более естественным символом монофтонга /ö()/ могла быть руна *öþel*, первоначально обозначавшая /o/. Обозначение результатов *i*-умлаута от /u(:) o()/ диграфами *ui*, *oi*, *oe*, учитывая хотя бы монофтонгическую значимость диграфа *ae*, тоже само по себе ничего не доказывает. Но здесь могут быть показательны случаи обозначения результатов *i*-умлаута через отдельные буквы *u*, *o*, типа *hurnitu*, *domeð*, которые могут приводиться в пользу монофтонгической трактовки /ÿ(:)/ ö()/. Главное же, что в гипотезе В. Я. Плоткина остался без объяснения факт *i*-умлаута от дифтонгов /io() eo() ea()/, и мы не представляем, как в рамках данной гипотезы можно было бы это сделать. Нельзя согласиться с аргументом В. Я. Плоткина, высказанным им в опровержение традиционной гипотезы, что при корреляции огубленности /i/ не могло бы вызвать образование передних аллофонов [ÿ ö] и что такие аллофоны не могли бы фонемизоваться. Ассимиляция не обязательно должна вызываться лишь дистинктивными признаками (ср.

велярное воздействие согласных /r l/ на гласные в древнеанглийском, хотя велярность нельзя считать дистинктивным признаком для этих фонем). Нелабиальное /i/ могло быть и должно было быть фонетически палатальным звуком, способным оказывать палатальное воздействие на лабиальные гласные предшествующих слогов. Конечно, наши возражения В. Я. Плоткину насколько не ставят под сомнение саму правомерность его гипотезы *i*-умлаута, одной из наиболее оригинальных и остроумных в литературе по вопросам диахронической фонологии германских языков.

Мы будем рассматривать оппозиции /u() o()/ – /i() e()/ в период непосредственно перед *i*-умлаутом как противопоставления огубленных гласных неогубленным. Исходя из результатов *i*-умлаута, передних огубленных монофтонгов /ü(:) ö(:)/, у огубленных /u(:) o(:)/ реконструируются передние аллофоны [ü ö]. Результаты *i*-умлаута от /a(:)/ заставляют нас признать, что оппозиции /a(:)/ – /æ()/ в прауэссекских диалектах были основаны на признаках ряда, а не на огубленности, как в более узких степенях открытости. Здесь также должно приниматься во внимание наличие /a(:)/ в велярных окружениях. В частности, в уэссекском происходила смена /æ: / фонемой /a:/ в таких формах, как *māgas*, *māga*, *māgum* (от *mæg* „родственник, сын“), *tālum* (от *tāl* „клевета“), *slāpan* „спать“, *lācian* „лечить“, *lāgon* „лежали“, *wāgon* „несли“, *sāwon* „видели“ (см. Сиверс и Бруннер 1951, § 63). Велярное воздействие здесь оказывали не только дорсальные согласные, но и велярные гласные (ср. *tālum* – *tāl*, *slāpan* – *slæp* „сон“, *lācian* – *læce* „лекарь“). Характерно, что в английских диалектах подобная смена происходит лишь перед огубленным /w/. Например, в ранних мерсийских глоссариях находим *crauiæe* „ворона“ Ер., Erf. 241, *crauiia* Ер., Erf. 308, *crauiie* Corp. 401, 537, 950, *craue* Corp. 538, *lauiercae* „жаворонок“ Ер., Erf. 1012, *lauricæe* Corp. 142, 1173, 2026. Можно поэтому предположить, что в праанглийских диалектах в период перед сужением /æ: / > /e:/ в наибольшей степени открытости, хотя бы между долгими монофтонгами, также установилась оппозиция по огубленности. Однако еще до „эпохи преломления“ в праанглийских и пракентских диалектах /æ: / сменилось /e:/, так что на фонетическом этапе *i*-умлаута здесь реконструируется единственная долгая фонема наибольшей степени открытости /a:/ с передними и задними аллофонами [æ:] – [a:], при фонемизации которых возникла оппозиция /æ: / – /a:/. Кстати, если в праанглийских диалектах, а также, возможно, и в пракентских /æ: / стало противопоставляться /a:/ как неогубленное огубленному, то более понятным становится и само исчезновение здесь этой оппозиции. Так как открытые огубленные гласные противопоставляются между собой труднее, различие между неогубленным /æ: / и огубленным /â: / могло также подчеркиваться более узкой реализацией /æ: /, что, в конечном счете, и привело к смене /æ: / > /e:/.

Делабиализация передних огубленных монофтонгов

Благодаря детальному исследованию древнеанглийских и среднеанглийских письменных памятников, в особенности топонимов, значительно яснее предстает последующая, также довольно-таки сложная история перед-

них огубленных монофтонгов. Схематически эта история может быть представлена следующим образом.

Фонемы /ü() ö()/ в кентском (и, как иногда полагают, также и в некоторых других юго-восточных диалектах) уже в конце IX — начале X вв. сменились /e()/. Такой вывод позволяют делать данные древнекентских письменных памятников. В кентских грамотах /ü() ö()/ еще устойчиво пишется через *u*, *oe*, но уже и здесь попадаются написания через *e*, *æ*, *e*, например, *gerefa* „судья“ гр. 34 (ср. *geroeefa*, *geroefan* гр. 41), *grenan* „зеленый“ гр. 20 (ср. *groeni* Согр. 255), *bledung* (др. англ. *blōēdsung* „благословение“) гр. 40, *-gede* (др. англ. *-gyþ*) гр. 28 (ср. *-gyð*, *gyde* гр. 34, 41). Интересно также отметить форму *yfter* (др. англ. *æfter* „после“) в грамоте 38 (2х), где у явно обозначает кентское /e/. В Кентских глоссах /ü/ пишется через у лишь в *cydere* „свидетель“ 477. Правилom же является е: *brecc* „употребляет“ 16, *hret* (от др. англ. *hrītan* „храпеть“) 322, *prede* „гордость“ 249, *ontend* „открывает“ 331, *utend* 452. Слова с первоначальным /ü/ в подавляющем большинстве случаев пишутся через е: *bege* (от др. англ. *bycgan* „покупать“) 895, *desiges* „глупого“ 998, *gefelle* (от *fyllan* „наполнять“) 253, *gefelled* 457 и др. Слова с первоначальным /ö()/ в Кентских глоссах пишутся через е, *e*: *efst* (от др. англ. *oefstan* „спешить“) 219, *efis* 750, *ehtende* (от др. англ. *ōēhtan* „преследовать“) 1042, *selest* „лучший“ 533, *fērd* (от др. англ. *fōēran* „идти, ехать“) 184, *swēið* (от др. англ. *swōēgan* „звучать“) 12. В *hryremus* „летучая мышь“ 1110 рефлекс /ö:/ обозначен через у. Особенно ясно о смене /ü()/ > /e()/ свидетельствуют случаи обозначения первоначальных /e()/ через у; ср. *acyrad* (от др. англ. *cerran* „вернуться“) 398, *cyrd* 613, *cynd* (от др. англ. *cennan* „родить“) 291, *lyssan* (др. уэсс. *læssan* „меньше“) 1100, *myrlīc* (др. уэсс. *mārlic* „чудесный“) 67 и др. Также и в Псалме L и Кентском гимне при обозначении рефлексов древнеанглийского /ü()/ очень часто употребляется буква е, например, в Псалме встречаем *ontende* (от др. англ. *ontūnan* „открывать“) 28, *ontendes* 71, *sennum* (от др. англ. *synn* „грех“) 38, *gelīas* (от др. англ. *gylt* „вина“) 39, в Гимне — *gerena* (др. англ. *gerūne* „тайна“) 11, *senna* „грехов“ 28, *gefelled* (от др. англ. *fyllan* „наполнять“) 43. Правда, здесь чаще, чем в Глоссах, пишется и буква у, например, в Псалме встречаем *ontun* 77, 116, *gesudan* „сообщить“ 18, *synna* 28, *gylt(a)* 14, 84. Рефлексы древнеанглийского /ö()/ в Псалме и Гимне пишутся через е, *æ*, например, в Псалме имеются формы *gemete* (от др. англ. *mōētan* „встречать“) 76, *gebette* (от др. англ. *gebōētan* „улучшить“) 151, в Гимне — *dema* (др. англ. *dōēma* „судья“) 38, *blatsiað* „благословят“ 8. В среднекентских памятниках рефлексы древнеанглийских /ü() ö()/ обозначаются, как правило, буквой е. Ауенбите of Inwyт, например, пишет *gelt*, *gelti*, *gelty* „вина“, *zenne* „грех“, *deme* (др. англ. *dōēman* „судить“) и т.п.

Важно отметить, что в кентском передние огубленные гласные уже никогда больше не появлялись.

Примерно в тот же период или несколько раньше в древнеанглийских диалектах происходили синтагматические смены /ü()/ > /i()/, /i/ > /i/, /e/ > /ö/, не затрагивающие парадигматических противопоставлений этих фонем. Самая важная из них — смена огубленного /ü/ неогубленным /i/ в позициях, которые обычно определяются как позиции в соседстве с палатальными согласными. Это в основном положения перед *ht* (/x't/), *c* (/č/ < /k'/),

cg (jǫž / < /g'g'/), g ([γ'], j/), sc (jš / < /sk'/), а также положения после с (/k/ = [k']), sc (jš/).

Отдельные случаи делябиализации /ü/ в соседстве с палатальными согласными засвидетельствованы в уэссекских грамотах X—XI вв. (см. Онгстрём 1937, 148). Это формы *cimed* „приходит“ (2x; 931 г.), *cing* „король“, *cinges*, *hric* (др. англ. *hrycg* „верх“; 2x; 948 г.), *brige* „мост“ В рукописях Орозия лишь несколько форм, в которых рефлекс /ü/ перед палатальными обозначены через *i* (Онгстрём 1937, 147): в Лаудердальской рукописи это *cingungum* „королями“, *genihtsumnisse* „изобилие“, в Коттонской — *brige*, *ofðincendum* (от *ofþyncan* „созалеть“). Среди рукописей Cura Pastoralis в рукописи Н смена /ü/ > /i/ засвидетельствована также лишь несколькими формами: *disigan* (др. англ. *dysig* „глупый“), *genihtsumnes*, *unscildig* „невиновен“, *beclipð* „обнимает“ (2x). Делябиализация перед палатальными несколькими формами засвидетельствована и в рукописи Т Cura Pastoralis, но в рукописи Д никаких следов делябиализации нет; в отношении делябиализации в соседстве с палатальными согласными формы рукописи U малопоказательны, так как здесь делябиализация произошла уже во всех положениях (см. Онгстрём 1937, 147—148). В рукописях Англо-саксонской хроники делябиализация в соседстве с палатальными согласными засвидетельствована в таких формах, как *cing*, *cinging* „король“, *drihten* „владыка“, *brige* „мост“, *aesterfilgendun* (др. англ. *aesterfylgend* „последователь“), *gebicgan* „строить“ (Онгстрём 1937, 148). Данная делябиализация засвидетельствована сходными формами в уэссекских рукописях Истории Беды, в рукописях грамматики Эльфрика, в рукописях уэссекских евангелий и Ветхого Завета (XI—XII вв.), а также в рукописях Бенедиктинского устава и в проповедях Вульфстана (см. Онгстрём 1937, 57, 149—150).

В нортумбрийских памятниках делябиализация /ü/ в соседстве с палатальными согласными засвидетельствована в очень узком объеме. В ранних нортумбрийских текстах следов такой делябиализации практически нет (Кампбелл 1962, § 315). В Даремском требнике повсеместно пишется *drihten*, кроме того, имеется написание *cinig* (ср. также *gestir* „движение“). В Линдисфарнском евангелии также постоянно пишется *drihten*, кроме того, имеются написания *cinging*, *cinig*, *hingcgrig* „голодный“, *ofcimed* „продолжает“; ср. также *getri(m)ad* „укрепляет“, *gifillid* „наполняет“ В Rushworth² повсеместно пишется *drihten* (см. Онгстрём 1937, 147).

В древнейших мерсийских глоссариях „неогубленные“ написания единичны, но, видимо, неслучайно здесь имеются такие слова, как *cistigian* (от др. англ. *cystig* „благородный“), *smigilas* 199 (от др. англ. *smygel* „отход“) в Эпинальском глоссарии. В Веспасианском псалтыре /ü/ пишется через *i* лишь в *getrime* 40, 14 (от *getryman* „крепить“). В Королевских глоссах постоянно пишется *drihten*. В Rushworth¹ часто встречаем *kinging*, *drihten*, две формы от *genihtsumnian* „быть достаточным, хватать“, *hingrade* „голодал“, *þincap* „кажется“ М. Онгстрём (1937, 150—151) установила, что в Вустерских текстах XI в. через *i* пишутся рефлексы таких древнеанглийских форм, как *cyning*, *dryhten* „владыка“, *þyncan* „казаться“, *brycg* „мост“, *hrycg* „верх, спина“ и т.п. Делябиализация /ü/ в окружении палатальных согласных засвидетельствована также в памятниках Катринской группы и в Ancene Wisse. Это в основном рефлексы древнеанглийских *cyning*, *cynn* „народ“,

cyrest, *cyred* (от *cuman* „приходить“), *dryhten* „владыка“ (см. д'Арден 1936, 188, 243 и словарь; Логан 1973, 79–80).

Кентский материал в данном отношении очень скуден. Онгстрём (1937, 151–152), тем не менее, приводит написания через *i* в текстах, которые она называет „памятниками с юго-восточными чертами“. Здесь также можно упомянуть такие формы Auenbite of Inwyut, как *king*, *kyng*, *þingþ* (др. англ. *þynsan* „казаться“).

Некоторые смену огубленного /j/ неогубленным /i/ в окружении палатальных согласных считают чисто уэссекским изменением (ср. Уайльд 1913б, 149; он же, 1914, § 122; Луик 1964, § 281; Сарджентсон 1924, § 120). Точнее было бы сказать, что это преимущественно уэссекское изменение, которое, однако, происходило и в других диалектах (ср. Логан 1973, 78–79). Ареалом наиболее интенсивной делябиализации можно считать Девоншир, Дорсет, Уилтшир, Гемпшир, Беркшир и, видимо, Сомерсет (см. Уайльд 1914, § 158; Сарджентсон 1924, § 120). Отсюда формы с /i/ из /j/ в окружении палатальных могли проникать и в другие диалекты. Этим мы прежде всего объясняем наличие форм *cing*, *drihten* почти во всех раннеанглийских диалектах: исходя из статуса уэссекского диалекта как языка главенствующего королевства широкое укоренение уэссекских форм именно с таким значением вполне понятно. С другой стороны, и в неуэссекских диалектах должна была происходить делябиализация /j/ в соседстве с палатальными. Это прежде всего относится к западно-мерсийскому.

Примерно в таком же широком ареале, или даже шире, происходила синтагматическая смена /i/ > /i:/, /e/ > /e:/ в лабиальных положениях, в таких словах, как *twelf* „двенадцать“, *weg* „дорога“, *libban* „жить“ и т. п. (см. Луик 1964, § 283–285).

В уэссекском IX–X вв. произошло парадигматическое исчезновение фонемы /ö(:)/, которая сменилась /e(:)/. Несколько позже делябиализация /ö(:)/ > /e(:)/ произошла и в большей части нортумбрийских и мерсийских говоров. После делябиализации /ö(:)/ ряд передних огубленных гласных во всех этих диалектах был представлен лишь одной фонемой /ü(:)/:

i(:)	ü(:)	u(:)	
e(:)		o(:)	eo(:)
æ(:)		a(:)	ea(:)

Однако вскоре ряд передних огубленных гласных в уэссекском, мерсийском и нортумбрийском был опять восстановлен за счет нового /ö(:)/ < < /eo(:)/. Система монофтонгов в этих диалектах приняла свой прежний вид. Но уже в XI–XII вв. в северном и восточно-центральных диалектах, а также в части юго-западного диалекта (прежде всего в Девоншире) ряд передних огубленных гласных снова подвергся делябиализации и на сей раз исчез окончательно (см. Луик 1964, § 287–288). В остальных диалектах (в большей части юго-западного и в западно-центральной) передние огубленные монофтонги сохранились вплоть до XV в.

В работах по истории английского языка среднеанглийские диалекты подразделяются на три основных ареала в зависимости от того, какова была в них судьба передних огубленных гласных (по сути дела /ü(:)/): *i*-ареал, охватывающий северные и восточно-центральные диалекты (в этих диалек-

тах /ü()/ изменилось в /i()/ *byrig* „городу“ > *biri*); *e*-ареал, охватывающий юго-восточные диалекты, прежде всего Кент (здесь /ü()/ изменилось в /e()/: *byrig* > *beri*); и *ü*-ареал, охватывающий западно-центральные и южные диалекты (в этих диалектах дольше всего сохранилось /ü()/); графически оно обозначалось через *u*, *ui*, *uy*, *o*, так как буква *u* наряду с буквой *i* стала обозначать /i()/: *bury*, *huri*).

Эти три ареала были установлены Г. Уайльдом (1913а; 1913б), А. Брандлем (1915) и М. Сарджентом (1924) на основе анализа топонимов. Топонимы, несомненно, представляют более „чистые“ диалектальные формы, чем формы литературных памятников, которые, как правило, трудно локализовать и которые подвержены сильному инодиалектальному влиянию и давлению литературной нормы. Изучая графику названий местностей в официальных документах XIII—XV вв., Г. Уайльд, А. Брандл и М. Сарджент смогли точнее определить, в каких диалектах к XIII—XV вв. древнеанглийское /ü()/ сменилось /i()/, в каких — /e()/, а в каких диалектах в этот период /ü()/ еще сохранялось. По данным Г. Уайльда (1913а, 24—28, 46, 51—52) и М. Сарджентсона (1924, § 117, 129—134), *i*-ареал охватывает Йоркшир (Уэст-Райдинг), Ноттингемшир, Линкольншир, Ратленд, Хантингдоншир, Норфолк. В *e*-ареал входят прежде всего Кент, Эссекс, Суффолк и Суссекс, хотя последний Г. Уайльд рассматривает как преимущественно *ü*-ареал (Уайльд 1913а, 28—33, 46, 52—54; Сарджентсон 1924, § 117, 136). Ядром *ü*-ареала М. Сарджентсон (1924, § 91—116, 125, 128) считает Гемпшир, Дорсет, Девон, Сомерсет, Уилтшир, Беркшир, Оксфорд, Глостер, Херефордшир. По данным документов, к этому же ареалу также относятся юг Ланкашира, Чешир, Стаффордшир, Дербишир, Уорикшир, Вустершир, Шропшир, Лестершир, Нортгемптоншир, Бедфордшир, Бакингемшир, Мидлсекс, Суррей (за исключением южной его части) и, как уже говорилось, Суссекс (Уайльд 1913а, 9—23, 45—46; Сарджентсон 1924, § 93—97, 121—127). К *ü*-ареалу явно относится диалект Катринской группы, где рефлексы др. англ. /ü()/ пишутся через *u*, рефлекс /eo()/ — через *eo* (д'Арден 1963, 188, 192—193; Логан 1973, 77—78). Напомним, что Катринская группа обычно локализуется на крайнем юге западно-центрального диалекта.

Однако следует иметь в виду, что если брать за основу наличие или отсутствие передних огубленных гласных, диалекты XII—XV вв. распадаются лишь на два ареала: (1) ареал западно-центральных и южных диалектов, фонологические системы которых включали в себя ряд передних огубленных гласных, и (2) ареал северных, восточно-центральных и юго-восточных диалектов, в фонологических системах которых ряда передних огубленных гласных не было. Кроме того, позднесреднеанглийские *i*- и *e*-ареалы не обязательно точно соответствуют раннесреднеанглийским ареалам смены /ü()/ > /i()/ и /ü()/ > /e()/. Например, из первоначального *e*-ареала формы с /e()/ (</ü()/) могли распространиться на соседние районы, такие как Норфолк, Кембридж, Мидлсекс, Суррей.

Как уже говорилось, существуют разные мнения относительно того, какова была роль огубленности в противопоставлении праанглийских

/i() e()/ – /u() o(:)/, но после палатальной перегласовки корреляция по положению языка, безусловно, опять стала основной, всеобъемлющей (ср. Иванова 1965, 222): краткие и долгие фонемы /u() o() a()/ противопоставлялись фонемам /i() ü() e() ö() æ()/ как задние передним. Одни лишь передние гласные могли противопоставляться друг другу как огубленным неогубленным: /ü() – i(:)/, /ö() – /e(:)/. Таким образом, если огубленность действительно была дистинктивным признаком до умлаута, то возникновение ряда /ü() ö()/ уменьшило нагрузку этого признака, хотя именно он был для данного ряда дистинктивным. Дальнейшее развитие /ü()/ и /ö()/ привело к тому, что огубленность окончательно потеряла релевантность.

Хотя ряд передних огубленных гласных просуществовал сравнительно долго – в некоторых диалектах почти тысячелетие, – он всегда отличался большой неустойчивостью и был одной из наиболее подвижных частей системы. Ограниченность корреляции вполне объясняет такую неустойчивость.

Особенно слабо было включено в систему /ö(:)/. Например, в кентском, как свидетельствует письменность, /ö()/ подверглось делябиализации в /e(:)/ раньше чем /ü(:)/. В период IX–X вв. в уэссекском, в большей части мерсийского и нортумбрийского диалектов /ö(:)/ слилось с /e()/, но /ü()/ сохранилось. Более раннее исчезновение /ö(:)/, чем /ü()/ в кентском или исчезновение /ö()/ при сохранении /ü()/ в других диалектах в принципе понятно: поддерживать различие по лабиальности среди более открытых гласных всегда труднее, чем среди закрытых. Краткое /ö/ делябиализовалось несколько раньше, чем долгое. Этому, видимо, способствовала крайне малая функциональная нагрузка фонемы /ö/. Дело в том, что к *i*-умлауту /o/ перед /i j/ встречалось (и тем самым могло быть умлаутировано в /ö/) лишь в единичных словах. Потеряв своего краткого партнера, долгое /ö:/ было слабо включенным в корреляцию по долготе, и его устойчивость оказалась ослабленной.

Более раннее, чем в других диалектах, окончательное исчезновение /ü()/ и /ö()/ в кентском можно объяснить структурными особенностями кентской системы гласных VIII–IX вв.:

i(:)	ü(:)	u(:)
e(:)	ö(:)	o(:)
		a(:)

В этой системе после сужения /æ()/ > /e()/ фонема /a()/ осталась единственным максимально открытым гласным, и признак ряда для нее мог и не быть дистинктивным. Фонеме /e()/ она в таком случае противопоставлялась лишь по подъему. Но фонетически фонема /a()/ в любом случае могла стоять ближе к задним, чем к передним гласным, поэтому оппозицию /a()/ – /e()/ мог подчеркивать и признак велярности. В связи с этим /e()/ в кентском могло стоять ниже по подъему, чем /e()/ в других диалектах. Тем самым фонетически более низкими, чем в других диалектах, могли быть и все другие передние гласные: /i() ü() ö()/. Более низкий подъем трудно сочетается с огубленностью, возможно поэтому /ö()/ в кентском и потеряло противопоставление с /e()/ раньше, чем это произошло во многих других диалектах. Если это предположение верно, фонологическая неус-

тойчивость кентского /ü()/ и его слияние с /e()/ будет также объяснено его более широким, чем в других диалектах, фонетическим характером.

Фонема /e()/ на месте /ü(:)/ имеется не только в кентском, но и в других соседних с ним диалектах (в эссекском и некоторых других юго-восточных говорах). Если искать причины слияния /ü()/ с /e(:)/ в структурных особенностях вокализма, то, учитывая отличие кентской системы от соседних, /e()/ из /ü()/ естественнее считать в них заимствованием, чем результатом самостоятельного развития. Насколько обычным было подобное проникновение фонологических особенностей одних диалектов в другие, свидетельствуют хотя бы многочисленные диалектальные элементы в современном английском, среди них и /e()/ (< /ü()/), в современном языке изменившиеся в /i:/, /e/: *left* (< *lyft*) „левый“, *merry* (< *myrige*) „весёлый“, *ream* (< *rūman*) „расширять“ и др. (см. Есперсен 1928, 72–73).

Парадокс более поздней делабиализации (XII–XV вв.) заключается в том, что передние лабиальные гласные исчезли именно после того, как их частотность (и, следовательно, функциональная нагрузка) значительно возросла. Их частотность увеличилась за счет дифтонгов /eo() ie()/, когда они монофтонгизовались в /ö() ü()/. Понять подлинные причины исчезновения передних огубленных гласных можно, видимо, лишь на фоне общих сдвигов в структуре и функционировании фонем данного времени. Вполне возможно, обнаружится связь делабиализации с такими изменениями, как смена корреляции количества корреляцией контакта, вокализация шелевых и великий сдвиг гласных. После смены корреляции количества корреляцией контакта образовалась очень богатая система неусеченных гласных, поэтому система гласных могла опять упроститься, что и произошло за счет периферийных передних огубленных.

Л и т е р а т у р а

- Андерсон 1941: Anderson O. S. Old English Material in the Leningrad Manuscript of Bede's Ecclesiastical History. Lund—Leipzig—London, 1941.
- д'Арден 1936: d'Ardenne S. T. R. O. An edition of *þe Liflade ant te Passiun of Seinte Iulienne*. Liège—Paris, 1936.
- Брандл 1915: Brandl A. Zur Geographie der altenglischen Dialekte. Berlin, 1915.
- Бур 1928: Boer R. C. Oergermaansch Handboek. Haarlem, 1928.
- Есперсен 1928: Jespersen O. A Modern English Grammar. Part I. Heidelberg, 1928.
- Иванова 1969: Ivanova I. P. Overlapping of /i/, /j/ in Old English. — „Philologica Pragensia“, 1969, VIII, 2–3, 220–223.
- Крупаткин 1962: Крупаткин Я. Б. К истории древнеанглийской системы гласных. — „Вопросы языкознания“, 1962, 6, 54–60.
- Крупаткин 1966: Крупаткин Я. Б. Ставоление древнеанглийского вокализма (проблема ингвеонского развития). Автореф. докт. дис. Л., 1966.
- Логан 1973: Logan H. M. The Dialect of the Life of Saint Katherine. A linguistic study of the phonology and inflections. The Hague—Paris, 1973.
- Лукк 1964: Luick K. Historische Grammatik der englischen Sprache. Vol. I, part I. Harvard University Press, 1964.
- Ангстрём 1937: Ångström M. Studies in OE MSS. Uppsala, 1937.
- Плоткин 1967: Плоткин В. Я. Динамика английской фонологической Новосибирск, 1967.
- Сарджентсон 1924: Serjeantson M. S. Distribution of Dialect Characters in Middle English. Amsterdam, 1924.

- Сивирс и Бруннер 1951: Sievers E., Brunner K. Altenglische Grammatik nach der Angelsächsischen Grammatik von Eduard Sievers. Neubearbeitet von Karl Brunner. Halle (Saale), 1951.
- Стеблин-Каменский 1966: Стеблин-Каменский М. И. Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966.
- Стрём 1939: Ström H. Old English Personal Names in Bede's History. Lund—London—Copenhagen, 1939.
- Туодделл 1957a: Twaddell W. F. A note on Old High German umlaut. — In: Readings in Linguistics. Vol. 1. Fourth edition. Edited by Martin Joos. Chicago—London, 1957, 85—87. Впервые опубли.: „Monatshefte für deutschen Unterricht“, 1938, Bd. 30, 177—181.
- Туодделл 1957b: Twaddell W. F. The prehistoric Germanic short syllabics. — In: Readings in Linguistics. Vol. 1. Fourth edition. Edited by Martin Joos. Chicago—London, 1957, 290—297. Впервые опубли.: „Language“, 1948, vol. 24, 139—151.
- Уайльд 1913a: Wyld H. C. The treatment of OE \ddot{y} in the dialects of the Midland, and SE counties, in ME. — „Englische Studien“, 1913, Bd. 47, 1—58.
- Уайльд 1913b: Wyld H. C. Old English \ddot{y} in the dialects of the South, and South Western counties in Middle English. — „Englische Studien“, 1913, Bd. 47, 146—166.
- Уайльд 1914: Wyld A. C. A Short History of English. London, 1914.
- Vilniaus V. Kapsuko universitetas
Anglų filologijos katedra
- Įteikta
1976 m. rugsėjo mėn.

THE DEVELOPMENT OF FRONT ROUNDED MONOPHTHONGS IN OLD AND MIDDLE ENGLISH DIALECTS

A. STEPONAVIČIUS

Summary

The presence of the phonemes /ü(:) ö(:)/ in OE and their interpretation as front rounded monophthongs are universally accepted. Yet the rise of this subsystem remains one of the most controversial problems of Old English phonology. The brunt of the problem lies in the interpretation of the immediate results of *i*-umlaut and, concurrently, the vowel system immediately before *i*-umlaut. In our analysis of ProE vowels we follow W. F. Twaddell and M. I. Steblin-Kamenskij, interpreting the oppositions /u(:) o(:)/ — /i(:) e(:)/ as rounded *versus* unrounded, and the *i*-umlaut of /u(:) o(:)/ as resulting directly in the front rounded monophthongs /ü(:) ö(:)/. Yet the results of the *i*-umlaut of /a(:)/, viz., the front unrounded monophthongs /æ(:)/, suggest the interpretation of the ProE oppositions /a(:)/ — /æ(:)/ as back *versus* front. The occurrence of /a(:)/ in velar positions points to the same. For example, in WS $\{æ: /$ was replaced by /a: / in such forms as *māgas*, *māga* (beside *mæg* 'kinsman'), *tālum* (beside *tæ / 'calumny'*), etc. It is to be noted that in Anglian dialects such substitution occurs only before the labial /w/. We may infer from this that in Anglian dialects at least the opposition of the long /a: / — /æ: / was reinterpreted as rounded *versus* unrounded. But already before breaking the Anglian /æ: / was replaced by /e: /, so that in the period immediately before *i*-umlaut Anglian dialects must have possessed the only low vowel /a: / with the back and front allophones [a:] — [æ:] ([æ:] before /i j/). Consequently, the *i*-umlaut of the long /a: / in Anglian (and Kentish) means the phonemicisation of its allophones into the opposition /a: / — /æ: /, whereas the *i*-umlaut of the short /a/ is but the syntagmatic replacement of this phoneme by /æ/. In WS the *i*-umlaut of both the long and the short /a(:)/ consists in the syntagmatic replacement of the back /a(:)/ by the front /æ(:)/.

In Kentish the phonemes /ü(:) ö(:)/ were replaced by /e(:)/ already in the late 9th—early 10th centuries. Approximately at the same time or even earlier the purely syntagmatic replacements /ü(:) > /i(:)/, /i/ > /ü/, /e/ > /ö/ took place. The most important of these changes is the replacement of /ü/ by /i/ in the neighbourhood of palatal consonants, viz., before ht([x't]), c([č] < /k' /), cg (/dž/ < /gš /), g([ɣ' /), lj), sc (/š / < /sk' /), and after c(/k / = /k' /), sc(/š /). This change is most widely attested in WS writings, yet it must have taken place in other dialects as well, especially West Mercian.

In many non-WS dialects /i/ from /ü/ in the neighbourhood of palatal consonants may also be due to dialect borrowing; cf. the wide spread of the forms *cing* and *drihten*. In the 9th–10th centuries /ō(:)/ was unrounded to /e(:)/ in WS and the greater part of Northumbrian and Mercian. In these dialects the front rounded series was restored with the monophthongization of /eo(:)/ to /ö(:)/. Yet already in the 11th–12th centuries in Northern, East Midland, and part of Southwestern this series was completely lost; in the rest of the dialects (the greater part of Southwestern and West Midland) the front rounded vowels survived until the 15th century. Therefore the English dialects of the 12th–15th centuries fall into two major areas, (1) the area of West Midland and Southwestern dialects, preserving front rounded vowels, and (2) the area of Northern, East Midland and South-eastern dialects, without front rounded vowels; the latter area may be subdivided into the *i*- and *e*-areas, reflecting the unrounding of /ü(:)/ to /i(:)/ and /e(:)/, respectively.

The instability of front rounded vowels may be explained to a certain extent by their peripheral status in the system. Their final loss may be connected with the replacement of the correlation short *versus* long by the correlation checked *versus* free.